

«СПОСОБНОСТЬ К БУНТУ»: ФИЛИПП СОЛЛЕРС КАК МАРКСИСТ

Рассматривается вклад известного французского писателя и общественного деятеля Филиппа Соллерса в развитие марксизма. Характеризуются основные взгляды Соллерса, выраженные в публикациях журнала «Тель Кель» в 1970-е гг.

This article analyses the contribution of the famous French writer and public figure Philippe Sollers to the development of Marxism. The author focuses on the crucial ideas of Sollers expressed in the works published in the Tel Quel magazine in the 1970s.

Ключевые слова: Филипп Соллерс, «Тель Кель», марксизм.

Key words: Philippe Sollers, Tel Quel, Marxism.

Филипп Соллерс принадлежит к числу современных французских писателей, достаточно известных как на родине, так и за ее пределами. В России начали выходить переводы его художественных произведений¹, и наш читатель получил возможность «встречи» с тем, кого «Краткая литературная энциклопедия» в 1972 г. определяла как «аполитичного писателя-авангардиста»² [1, стб. 459]. В 1960–1982 гг. Соллерс вместе с товарищами издавал журнал «Тель Кель» («Tel Quel» – «такой, какой есть»), ставший одним из самых ярких проектов французских левых в бурные послевоенные десятилетия. Поначалу он предполагался площадкой для выражения эстетических принципов «нового романа» (А. Роб-Грийе и др.), но с 1963 г. телькелисты отказываются от этой миссии в пользу нового революционного поиска. В 1966 г., по их собственным оценкам, произошла «марксизация “Тель Кель”» [2, р. 142].

События 1968 г. во Франции получили живой отклик на страницах журнала: в 34-м выпуске был опубликован манифест «Революция, здесь и сейчас». В поисках нового революционного языка пришлось обратиться к китайскому опыту – с 1970 г. авторы журнала откровенно пропагандируют маоизм в качестве политической доктрины. Среди левых, недовольных коммунистическим официозом во Франции, в 1960–1970-е гг. «Тель Кель» был исключительно влиятельным изданием. Однако к 1982 г. «страсти улеглись», и Ф. Соллерс закрыл журнал.

В первой половине 70-х гг. именно Соллерс позиционировал себя ведущим теоретиком марксистской группы телькелистов. Можно ли согласиться с этим, если учесть, что он не предложил читателям теоретической работы с системным изложением своих воззрений? В настоящей статье дается оценка вкладу Филиппа Соллерса в теорию марксизма на основе его публикаций 1970-х гг.

Выступления Соллерса по проблематике марксизма в начале указанного периода представляли собой отклик на злобу дня. Об этом красноречиво свидетельствует внутренний доклад 1973 г., опубликованный в «Тель Кель» годом позже [8]. Соллерс считает важнейшей политической проблемой современности фашизм, угроза которого только обостряется по мере развития капитализма: примером служили южноамериканские диктатуры. «Можно ли после Второй мировой войны рассматривать фашизм как исчезнувшее, уничтоженное явление? Ни в коей мере, напротив, – настаивает Соллерс, – он пережил *военное* поражение (Германия, Италия, Япония), но не *органическое*. Он не был ниспровергнут “изнутри”. Он поддержан, видоизменен, упорядочен американским империализмом всюду в мире. Он распространился к настоящему времени практически на весь южноамериканский континент» [8, р. 127]. Фашизм трактуется как «специфическое творение» мелкой буржуазии, которая на основе мощного оружия (либидо) обеспечивает свою власть. Соллерс предостерегает, что мелкая буржуазия не «историческая случайность», как все еще думают некоторые марксисты; она берет власть в свои руки (действуя, в конечном счете, в интересах крупной буржуазии). Происходит постепенное «омелкобуржуазивание» разных явлений современности, включая марксизм, что Соллерс регистрирует во

¹ В 2003 г. – роман «Мания страсти» (пер. А. Смирновой), а в 2007 г. – «Казанова Великолепный» (пер. Н. Мавлевич и Ю. Яхниной), хотя у Соллерса десятки произведений, которые можно *mutatis mutandis* отнести к разряду художественных.

² В энциклопедии в то же время признавалось, что «телькелисты» претендуют на «революционность», подкрепляемую «демагогическими ссылками на К. Маркса, В.И. Ленина, а также использованием цитат из Мао Цзэдуна» [1, стб. 460].

время контактов с «лицами из так называемых социалистических стран». Совершаемая ими догматизация марксизма обесценивает его в гносеологическом отношении и позволяет вырваться наружу архаическим влечениям. В этой мысли обращает на себя внимание неожиданное на первый взгляд соединение марксистской и фрейдистской терминологии. В понимании Соллерса есть прямая линия в развитии диалектики от Гегеля через Маркса к Ленину. После Ленина начались поиски ответов на новые вызовы. Один вариант марксизма представил сталинизм — творческое развитие науки было заменено ее жесткой догматизацией, т. е. в целом «ликвидацией ленинизма» [8, р. 126]. Соллерс обращает внимание на то, что буржуазная философия заинтересована в существовании подобных форм марксизма, «чтобы диалектика питалась своими упрощениями и стереотипами» [7, р. 139]. Таким образом, сталинизация марксизма выглядит у Соллерса не узконациональным явлением, а рассматривается в более широком контексте как вариант реакции буржуазного сознания на марксизм. Второй вариант — западный эклектизм, характерный для еврокоммунизма. Во Французской коммунистической партии (далее — ФКП) воцарилась атмосфера вытеснения и цензуры, исключающая возможность творческого развития марксизма-ленинизма³.

Оба указанных варианта обнаруживают все более «органичное единство догматизма-ревизионизма» [2, р. 143]. Это новое понятие, представляющее собой оригинальный вклад телькелистов в теоретический марксизм⁴. Ревизионизм — это постепенное отклонение от истинного марксизма вплоть до поддержки капитализма; догматизм, наоборот, держится за букву учения, зачастую утрачивая адекватный взгляд на политическую действительность. Единство ревизионизма и догматизма, по Соллерсу, обусловлено тем, что противники ревизионистов вынуждены занимать позиции догматизма, «немедленным последствием чего становится критика ревизионизма на основаниях реакционных, архаичных и, в конечном счете, неэффективных» (цит. по: [4, р. 409]). Порочный круг обеспечивает двум силам взаимную поддержку. Ф. Форе полагает, что это обернулось для телькелистов самокритикой: их собственное отступление на догматические позиции в борьбе против ФКП усиливал ревизионизм последней [4, р. 410].

Но диалектическое единство ревизионизма и догматизма не отменяет другое единство — ревизионизма и буржуазной идеологии: ему посвящена Декларация об идеологической гегемонии буржуазии / ревизионизма, опубликованная еще в 1971 г. [3]. «Если бы реальная революционная левая не была бы столь слабой, разделенной, сектантской, одолеваемой мифами и застарелыми стереотипами; если бы она совершила подлинную *теоретическую* работу, — констатирует Соллерс, — то эксплуатируемые, бунт которых всюду подавлен, обнаружили бы это состояние двойной гегемонии буржуазии-ревизионизма» [9, р. 3].

Отвергая догматизм и ревизионизм, Соллерс ищет альтернативы. С одной стороны, творческий потенциал марксизма далеко не исчерпан в странах за пределами буржуазного Запада: в Китае Мао Цзэдун как практик и теоретик (плохо понятый на Западе) продолжает ленинскую линию, формируя новую революционную практику. Соллерсу и в начале 1980-х гг. представлялось, что китайская культурная революция была попыткой преодолеть депрессию советской модели развития⁵. Второй путь может быть открыт в современной политической реальности на Западе, и в частности во Франции. Соллерс описывает условия разработки альтернативной стратегии марксизма на Западе и в то же время формулирует понимание собственных возможностей на этом пути. Так, он пытался реализовать оба элемента 11-го тезиса Маркса о Фейербахе: и объяснить мир, и изменить его.

Первейшая задача состоит, на взгляд Соллерса, в обогащении марксизма достижениями современного психоанализа. Учения Маркса и Фрейда — два взаимодополняемых средства эмансипации человека. У Соллерса даже рождается образ Франции (Европы) между пораженными чумой психоанализа Соединенными Штатами и больным холерой догматического марксизма Советским Союзом: на буферной территории жизненно необходимо достичь интеграции и двух теорий, и двух практик [7, р. 142]. В своих построениях автор опирается на

³ В 1968 — 1970 гг. телькелисты еще ведут диалог с интеллектуалами ФКП в рамках Клонийских коллоквиумов (см. [5; 6]). Но уже осенью 1971 г. «Тель Кель» энергично выступает против запрета на празднике «Юманите» книги М.А. Маччиокки о Китае, и в 1970-е гг. конфронтация продолжается с новой силой.

⁴ В частности, самый авторитетный историк «телькелизма» считает, что это понятие введено в оборот именно телькелистами [4, р. 408].

⁵ Об этом он говорит в интервью китайской журналистке Шуси Као: «Простая стереотипная формула [Мао] “Ветер с востока пересилит ветер с запада” была в то время чем-то, что казалось ниспровергающим классические координаты планеты» [10, р. 14]. Впрочем, к 1980 г. Соллерс уже смотрел на маоизм со скепсисом.

творчество Вильгельма Райха, в 1930-е гг. ставившего проблему пренебрежения психологической проблематикой в марксизме. В этом он видел причину поражения марксизма перед лицом овладевшего мощным оружием врага. Лидеры социалистов и коммунистов не смогли понять того, что массы поддержали Гитлера не на рациональном, а на эмоциональном уровне. «Марксистский анализ развития истории XX века, — пишет в другой статье Соллерс, — не способен *объяснить* фашизм» [8, р. 127]. Пренебрежение психологией скрывает более глубокую проблему марксизма: настаивая на материализме, он отказался от овладения практикой субъективного фактора и уступил эту игру идеалистам. Только интеграция марксизма и психоанализа позволит, по Соллерсу, задействовать оба рациональных рычага для предотвращения фашистских угроз.

Вышесказанное относится также к другим надстройкам, роль которых постоянно недооценивается марксизмом: к праву и религии. «Право, разработанное буржуазией, — уникально в истории. И пока столь важная в надстройке категория будет исторически в руках буржуазии, она останется историческим классом, который будет по-прежнему иметь... наиболее разработанное право, так что абсолютно не стоит говорить о социализме» [там же, р. 129]. По канонам марксизма оно отражает отношения собственности в обществе, но «новое право должно отразить *другой* тип пользования, нежели собственность». Так называемое социалистическое право, конечно, вовсе не представляет новый тип отношений — оно тяготеет к запретам и вытеснениям там, где буржуазия дает понятные ответы; но запреты не позволяют критиковать ее основы классового господства по существу. Сказанное справедливо и для другой надстройки — религии. «Многие люди были бы удивлены (те, кто комично считает себя освободившимися от всяких следов религиозности), если бы им продемонстрировали... что их дискурс постоянно религиозен, постоянно связан с религией, в которую они погружены, не видя того» [там же, р. 131].

Что делать писателю в таких условиях? Современная западная литература описывается Соллерсом в тех же координатах диалектики сознания и бессознательного. События октября 1917 г. в России дали возможность высказаться новому освобожденному языку (в пример приводится практика футуристов — В. Маяковского и В. Хлебникова); аналогичную роль национальная революция сыграла в становлении китайской литературы (Лу Синь). Между тем на Западе революционный процесс идет на глубинных уровнях, и литература вписывается в общество «в невыносимом напряжении». Следовательно, нужно утверждать ее новые формы. «В ритм, отражающий переплетение множества социальных отношений, вторгаются сон, оговорка, острота, внутренняя пульсация языка, занятого перетряхиванием своих запасов, своих страт, своей памяти», — пишет Соллерс [7, р. 142]. Через эту литературу будет осуществляться та эмансипация субъекта, которой невротик достигает во время трансфера на кушетке у психоаналитика. В качестве последнего из выводов статьи «Критики» подчеркивается «роль литературного авангарда, его способность к бунту, то есть его связь с реальностью» [8, р. 137].

Соллерс претендует не только на роль «мастера человеческих душ», он настаивает на необходимости теоретической работы, призванной раскрыть революционный потенциал марксизма. На основе психоанализа нужно продемонстрировать левым ограниченность их горизонта. «Для левых фашизм стал чем-то религиозным, абсолютным злом, которое, однако, не может существовать иначе, чем снаружи, где-то в другом месте. В то же время речь идет о постоянной внутренней реальности. Чем больше левые заклинаят в своем воображении фашизм вместо того, чтобы его излечить в себе самих... тем увереннее можно констатировать, что он спокойно утверждается повсюду» [8, р. 129]. В этой «очистительной работе» не приходится щадить ни честных, но наивных коммунистических теоретиков (как Луи Альтюссер⁶), ни ФКП в целом. Борьба с ревизионизмом даже важнее борьбы с социал-демократией, которая «в исторической перспективе “переварит” мало-помалу старые коммунистические партии» [9, р. 4].

Соллерс обнаруживает себя как будто в осажденной крепости. Где найти союзников в борьбе за подлинный марксизм? Только не в университетской философии, которая сводится к «латанию дыр» в буржуазном порядке, обеспечивая тем самым воспроизводство классового господства. В поисках союзников Соллерс апеллирует к другим авторитетам; кроме Маркса и Ленина к ним относятся Мао Цзэдун, Вильгельм Райх и современные философы из «несистемной оппозиции» — те, кто смело экспериментирует с языком (Жак Лакан и Жак Деррида). Нетрудно заметить, впрочем, что в ряде случаев Соллерс близок к западным неомарксистам XX в. Тезис о недооценке марксизмом субъективного фактора и неизбежном в этой связи поражении от вооруженной

⁶ Соллерс сблизился с Альтюссером в 1969 г., но к 1973 г. известный французский марксист уже получал оценки такого рода: «Альтюссер еще будет туманно рассуждать о “Марксе и Фрейде”, но заметно, что его сердце не лежит к этой теме» [8, р. 136].

идеализмом буржуазной философии перекликается с теорией гегемонии Антонио Грамши (к началу 1970-х гг. его «Тюремные тетради» уже были опубликованы в Европе, в том числе на английском языке). Журнал «Тель Кель» принял участие в грандиозном процессе переоткрытия творческого наследия Грамши во Франции, но сам Соллерс определяет вклад рано умершего итальянского марксиста как «несколько просветов» [8, р. 128]. Уровень интерпретации субъективного фактора в современном марксизме настолько ничтожен, что Соллерс сокрушается: «Помимо Мао и культурной революции, ни один марксист не может ничего сказать об этой сфере деятельности» [8, р. 128].

Задача интеграции марксизма и психоанализа решалась по-своему франкфуртской школой — Г. Маркузе и особенно Э. Фроммом (взгляды которого также во многом восходили к В. Райху). В частности, трактовка «омелкобуржуазивания» сознания индивидуумов в «социалистическом» мире сближается с концепцией «одномерного человека» у Маркузе; в «Бегстве от свободы» (1941) Фромм пытается синтезировать марксистские и фрейдистские подходы к интерпретации феномена нацизма в Германии. Франкфуртцы были далеки от идеализации революционных движений, и в этом отношении к революции они разошлись бы с телькелистами. Однако Соллерс (возможно, в силу традиционного недоверия французских интеллектуалов к немецкой философской традиции) как будто игнорирует результаты работы западногерманских неомарксистов, несмотря на общий вектор рассуждений.

Позднейшие оценки, данные Соллерсом вкладу телькелистов в марксизм, были амбициозными. «Взрыв “Тель Кель” между 1968-м и 1975-м — это в сущности взрыв марксистской основы» [10, р. 16]. Марксизм тогда впал в кризис, приобрел черты новой религии, стал «великой схоластикой наших дней». Задача преодоления марксизма не равна задаче его уничтожения; «мы рассматриваем марксизм как подмножество более широкой логики» [10, р. 16]. Прогресс в том, чтобы найти новую, более адекватную действительности систему, для которой марксизм будет частным случаем.

Вклад Филиппа Соллерса в развитие марксизма не только в опыте бескомпромиссной политической борьбы с идеологическими противниками на нескольких фронтах сразу, но также в постановке очень важных теоретических проблем для марксизма и в практической попытке мобилизации интеллектуальных ресурсов французских левых для обсуждения этих проблем. Телькелисты не стали ведущими теоретиками, «способность к бунту» так и не реализовалась на практике, однако их деятельность оказалась ценным дополнением к общей картине развития марксизма в XX в. Соллерс не оставил теоретического труда наподобие «Капитала», но постарался выработать новый стиль обсуждения важнейших вопросов и придать жизненность учению, которое, казалось, окончательно омертвело заботами своих преданных адептов.

Классическая проблема западного марксизма состояла в том, что оппонентам капитализма неизбежно приходилось действовать в рамках сложившейся буржуазной системы. Не был исключением и Соллерс — писатель и издатель, занявший свою нишу на французском рынке. Начав как марксист и отдрейфовав к началу 1970-х гг. на маоистские позиции, Соллерс во второй половине той же декады исповедовал своеобразный либерализм или даже, по оценкам некоторых исследователей, «просвещенный консерватизм» [5, р. 344]. Нонконформист в прошлом, он теперь стал посещать завтраки для представителей интеллигенции, организованные В. Жискард д'Эстеном. Впрочем, такая эволюция была характерна для многих французских интеллектуалов, каждый из которых рано или поздно совершает свое «предательство клерков». Деятельность Соллерса во главе известного французского журнала «Тель Кель» останется в истории еще одним свидетельством многогранности марксизма как теории и практики революционного движения.

Список источников и литературы

1. Зонина Л. А. «Тель Кель» // Краткая литературная энциклопедия. М., 1972. Т. 7.
2. *Chronologie* // *Tel Quel*. 1971. № 47.
3. *Declaration sur l'hégémonie idéologique bourgeoise / revisionniste* // *Tel Quel*. 1971. № 47.
4. *Forest Ph. Histoire de Tel Quel*. 1960—1982. P., 1995.
5. *Kauppi N. The making of an Avant-Garde: Tel Quel*. Berlin; N. Y., 1994.
6. *Marx-Scouras D. The cultural politics of Tel Quel / Univ. Park. Pennsylvania*, 1996.
7. *Sollers Ph. A propos de la dialectique* // *Tel Quel*. 1974. № 57.
8. *Sollers Ph. Critiques* // *Tel Quel*. 1974. № 57.
9. *Sollers Ph. Éditorial* // *Tel Quel*. 1974. № 59.
10. *Sollers Ph. Pourquoi j'ai été chinois* // *Tel Quel*. 1981. № 80.

Об авторе

Илья Олегович Дементьев — канд. ист. наук, доц., Российский государственный университет им. И. Канта, e-mail: idementi@mail.ru

Author

Dr. Ilya Dementyev, Associate Professor, IKSUR, e-mail: idementi@mail.ru